

От «дурного общества» к «Детям подземелья»: Как В. Г. Короленко стал детским писателем

Mikhail Itkin (Moscow)

Off “Bad Company” to *Children of the Vaults*: How V. G. Korolenko Became a Children’s Writer

Резюме. «Дети подземелья» — сокращенный вариант повести «В дурном обществе» (1885), который, в отличие от оригинала, успешно канонизировался в школьной среде и стал наиболее хрестоматийным текстом В. Г. Короленко. В статье сравниваются тексты оригинала повести и ее двух ключевых сокращенных версий — дореволюционной (1886) и советской, выполненной в 1948 г. дочерью писателя Н. В. Короленко-Ляхович. Выделение утраченных при переделке смыслов и коннотаций приводит к выводу, что дореволюционная редакция «Детей подземелья» отличается от советской. В дореволюционном варианте редуцируются сложная готическая топка и социальная проблематика, исчезает сам феномен «дурного общества», и акцент переносится с «проблематических натур» на детей и историю их общения. В советском сокращении с опорой на оригинал («В дурном обществе») восстанавливаются некоторые образы, характеристики, реплики и эпизоды, которые становятся идеологическими маркерами. Сюжет «Детей подземелья» ассимилируется с чертами советской детской прозы, изображающей взросление ребенка через совершаемые им нравственные подвиги. С момента закрепления в советских школьных программах «Дети подземелья» обретают новое прочтение, трансформируясь в своего рода пионерское руководство для подражания. Можно также утверждать, что, создавая советскую редакцию «Детей подземелья», Короленко-Ляхович способствовала восстановлению литературной репутации своего отца, поколебленной его критикой

революции в письмах к А. В. Луначарскому (1920). «Половинчатое» признание Короленко новыми идеологами, таким образом, привело к банализации наследия писателя в виде детских рассказов, провозглашающих общечеловеческие ценности.

Ключевые слова. Сокращенная версия, статус (репутация) писателя, советский школьный канон, А. В. Луначарский, Н. В. Короленко-Ляхович.

Abstract. *Children of the Vaults* is a cut down version of a story *In Bad Company* (1885) which, unlike the original, was successfully canonized in school practices and is still considered as V. G. Korolenko's most famous piece. The following paper deals with the original text and its two key cadet editions: pre-revolutionary (1886), and soviet, completed in 1948 by Korolenko's daughter N. V. Korolenko-Lyakhovich. Through highlighting and examining meanings and connotations omitted in the short versions the author concludes that pre-revolutionary version of *Children of the Vaults* differs from the soviet one. In pre-revolutionary version, gothic and social aspects were simplified, as well as the whole image of "bad company", drawing readers' attention to children only. In soviet version, certain episodes and remarks were revived according to the original and thus became ideological markers. *Children of the Vaults* were now associated with soviet children's literature that depicted how a child grew up by doing good. From the moment *Children of the Vaults* were added in school programs, the piece to some extent became a manual for pioneers. It is possible that by creating a soviet version of the book Korolenko-Lyakhovich aimed to reestablish her father's reputation after his critics of Russian Revolution expressed in his letters to A. V. Lunacharsky (1920). Half-accepted by new ideologists, Korolenko was canonized as children's writer, the author of humanistic stories of moral value.

Keywords. Cut down version, writer's reputation, soviet school canon, A. V. Lunacharsky, N. V. Korolenko-Lyakhovich.

Повесть В. Г. Короленко «В дурном обществе» была впер-

реалистичность социального плана, включает элементы легендарности и артистичности. Так, «профессор» получает свое наименование «вследствие смутного предания, будто где-то и когда-то он был гувернером» [Короленко 1885: 167], не до конца понятным остается и его страх перед колющими предметами; пьяный Лавровский, обращающийся к «березке», рассказывает о том, как убил всю свою семью [Короленко 1885: 168—169]; Туркевич провозглашает себя «генералом» и требует, чтобы к нему так обращались, а в нетрезвом состоянии упражняется в риторике перед домом судебного секретаря [Короленко 1885: 171—174]. Тыбурций Драб, в свою очередь, выступает как наиболее легендарная личность: о его учености и ораторском таланте слагают разные гипотезы, приписывают актеру колдовские способности; загадочный ореол переносится и на «его» детей, Валека и Марусю, — за последней Тыбурций якобы «отлучался <...> в совершенно неизвестные страны» [Короленко 1885: 177].

Каждого героя Короленко показывает через восприятие ребенка-рассказчика, склонного к «удивлению» и своеобразному восхищению перед таинственным. Однако сам мир подземелий в оригинале дается в двух плоскостях (глава «Осенью»): сначала реалистично-взрослой («Теперь, умудренный прозаическим опытом жизни, я знаю, конечно, что там был мелкий разврат, грошовые пороки и гниль» [Короленко 1885: 207]), а затем сочувственно-детской, высвечивающей «черты тяжелого трагизма, глубокого горя и бедствий» [Короленко 1885: 207]. Подобные раздваивания голоса рассказчика в оригинале нередки — это нарративное решение соответствует изначально мемуарной стилистике повести, которая задается подзаголовком «Из детских воспоминаний моего приятеля», а также отсылает к другим повестям о детстве — например, к «Детству» Л. Н. Толстого (1852) [см.: Balasubramanian 1997: 114] и «Первой любви» И. С. Тургенева (1860), где использован тот же прием.

В сокращенной версии («Дети подземелья») эффект переключения между рассказом о настоящем и оценкой уже «выросшего» рассказчика снимается, и изображение дается почти только в детском

рассказчика к «замку и его обитателям»: в оригинале Вася, несмотря на страх, сначала испытывал интерес к зданию («Бывало, я любил приходить на остров и хотя издали любоваться его серыми стенами...» [Короленко 1885: 164]), а после изгнания оттуда «несчастных темных личностей» замок вместе с «Янушем и мегерами» становится ему «противен» [Короленко 1885: 164—165]. Отметим, что в *Короленко 1948* момент «эволюции» все же возвращается, равно как и другие устрашающие оттенки — например, руинированность часовни и ее окончательное разрушение («провалилась крыша», «стали образовываться обвалы» [Короленко 1948: 63]).

В целом, при сравнении дореволюционной и советской редакций «Детей подземелья» можно обнаружить довольно-таки неочевидную тенденцию. Если в *Короленко 1886* текст был максимально очищен от социальных характеристик и установок, что сильно упрощало сюжет, то в *Короленко 1948* с опорой на *Короленко 1885* восстанавливается социальный план. Короленко-Ляхович возвращает в текст «Детей подземелья» не только готические маркеры, получающие теперь социальную окраску (что навеивает интерпретации вроде «ужасные условия жизни в развалинах»), но и восстанавливает некоторые характеристики и реплики, которые могли показаться кощунственными в дореволюционную эпоху. Например, в главе «Осенью» восстанавливается портрет ксендза («У него брюхо, как настоящая сороковая бочка, и, стало быть, объедение ему очень вредно» [Короленко 1948: 48]), а в главе «Знакомство продолжается» появляется рассказ Валека о графе, которого «засудил» Васин отец [Короленко 1948: 33]. Конечно, контекст, в котором создавалась редакция *Короленко 1948*, во многом повлиял на «возвращение» этих моментов, предопределив типизацию и идеологический налет повести: несправедливо богатые поп и «аристократ» (буржуй), ненависть «нищих» к ним. В *Короленко 1948* можно заметить и устранение маркированных религиозных проявлений, которые сохранялись в предыдущих изданиях: например, «“О, вей мир!” — пугливо произносили евреи; богобоязненные старые мещанки крестились» [Короленко 1886: 131] («Замок и его обитатели»), «Твой отец, малый, самый

стве») фигурировал в программах 1920—1922 гг., а потом то добавлялся, то устранился из списков внеклассного чтения. Рассказ Короленко, по-видимому, нельзя было отнести к произведениям «первого порядка», каноничность которых неоспорима (например, «Детство» Толстого, которое вошло в имперские хрестоматии еще с 1860-х гг. и с 1919 г. закрепилось в советской школьной программе). Тем не менее литературное наследие Короленко было трудно игнорировать, и в первые советские программы все же включались его произведения («Сон Макара», «Река играет», «Лес шумит», «Без языка» и др.).

В 1930-е гг. вместе с закреплением в школе советских идеологем статус «В дурном обществе» и «Детей подземелья» меняется. В программах Наркомпроса по литературе 1933—1935 гг. «В дурном обществе» располагается в разделе внеклассного чтения сначала 9-го, потом 7-го классов. В 1937 г. для внеклассного чтения уже в 5-м классе рекомендованы «Дети подземелья», в следующем году — снова «В дурном обществе». Решающим становится 1939 г., когда «Дети подземелья» появляются в обязательном списке для 5-го класса. С этого момента происходит окончательное закрепление сокращенного варианта в школьном каноне.

С 1939 г. в обязательный список для чтения также входит рассказ Короленко «Слепой музыкант», предназначенный уже для 6-го класса. Параллельно с этим заметно удаление из программ других произведений писателя. Таким образом, в 1930-е гг. «Дети подземелья» занимали второстепенную позицию в школьном обиходе, но в последующие десятилетия стали восприниматься как главное произведение писателя и как одно из программных детских произведений XIX в.³

³ Стоит отметить, что в программе 1948 г. рассказ не выделен как отдельное произведение для изучения, а является «добавочным чтением» к отрывку «Мальчики» из повести М. Горького «Детство». Тексты действительно содержательно схожи. В отрывке из Горького повествование тоже ведется от первого лица, главный герой знакомится с детьми из более обеспеченной семьи («барчуками»), у которых отец — полковник, а мать умерла. В «Мальчиках» тоже представлено детское мировосприятие, но при этом благодаря персонификации и автобиографичности самой повести голос героя соотносится с фигурой автора, как и в случае с Короленко. В целом отрывок сфокусирован на играх и общении

критикой и педагогикой в коммунистические заветы.

Е. Р. Пономарев отмечает, что для второй половины 1930-х гг. были характерны споры о составе литературной программы в школе [см.: Пономарев 2017]. В ее основу вкладывалась коммунистическая идеология со «сталинистским» оттенком — о воспитании нового советского человека, большая роль в котором отводилась институту школы. Именно литература давала образцы поведения и мышления, перенимая которые, ученик впитывал в себя основы общественного устройства. Саввин назвал главной ценностью произведений Короленко соединение реализма с дидактизмом, раскрывающееся через психологическое и социальное перерождение рассказчика Васи [см.: Саввин 1923: 168]. Дальнейшие советские интерпретации тоже ставят центральным смыслом эволюцию героя: Вася не только меняет отношение к отцу, познав его доброту и честность, но находит «черты человечности в людях “дна”» [Котов 1957: 26], «получает первые уроки гражданского самосознания» [Бялый 1983: 74]. Его натура героя «бродяги», который, вопреки своему происхождению, предпочитает общаться с гораздо менее знатными детьми, способствует размыванию социальных границ и усилению гуманистического пафоса произведения. Примеру Васи пытается следовать его отец, который в финале рассказа вступает чуть ли не в союзнические отношения с Тыбурцием.

Окончательное закрепление «Детей подземелья» в школьном обиходе с 1939 г. отвечало указанному вектору. Рассказ, переданный с точки зрения ребенка и сфокусированный на детях, пробуждал сочувствие к героям, которые в советской оптике должны были восприниматься как реальные люди (Пономарев характеризует этот подход как «наивный реализм» [см.: Пономарев 2017]). Вопросы, предложенные в школьных пособиях [см., например: Родная литература 1972: 144], фокусируют внимание ученика именно на героях и их характерах. Анализируя поведение персонажей, сравнивая их характеристики, советский школьник перенимал их качества, заведомо понимая, что они правильные (к чему его и подталкивал учитель). Акцент на фигурах детей при изучении «Детей подземелья», таким образом, полностью отвечал

задаче заимствования из литературных произведений моделей поведения, реализуемых школьниками в регламентированной среде.

СОКРАЩЕНИЯ

Алчевская 1889 — *Алчевская Х. Д.* Дети подземелья // Что читать народу?: В 3-х тт. Т. 2. СПб., 1889. С. 275—277.

Бялый 1983 — *Бялый Г. А.* В. Г. Короленко. М., 1983.

Вейнберг 1905 — *Вейнберг Л. О.* Сердечное участие к бесприютной сироте // Вейнберг Л. О. Новая русская хрестоматия. М., 1905. С. 156—157.

Голиков 1905 — *Голиков В. И.* Дети подземелья // Голиков В. И. Русская хрестоматия. Ч. 1. М., 1905. С. 61—65.

Гусева 1909 — *Гусева М. А.* Дети подземелья // Гусева М. А. Родная Нива: хрестоматия. СПб., 1909. С. 372—385.

Ефремин 1930 — *Ефремин А.* Владимир Галактионович Короленко (1853—1921) // Короленко В. Г. Собр. соч.: В 23-ти тт. Т. 1. М., Л., 1930. С. XXI—XXXVI.

Короленко 1885 — *Короленко В. Г.* В дурном обществе // Русская мысль. 1885. № 10. С. 159—216.

Короленко 1886 — *Короленко В. Г.* Дети подземелья // Родник. 1886. № 2. С. 129—176.

Короленко 1914 — *Короленко В. Г.* Полн. собр. соч.: В 9-ти тт. Т. 2. СПб., 1914. С. 99—153.

Короленко 1940 — *Короленко В. Г.* Дети подземелья. М., Л., 1940.

Короленко 1948 — *Короленко В. Г.* Дети подземелья. М., Л., 1948.

Котов 1957 — *Котов А. В.* В. Г. Короленко. М., 1957.

Луначарский 1930 — *Луначарский А. В.* В. Г. Короленко: Общая характеристика // Короленко В. Г. Собр. соч.: В 23-ти тт. Т. 1. М., Л., 1930. С. V—XVIII.

Пономарев 2017 — *Пономарев Е. Р.* Литература в советской школе как идеология повседневности // НЛО. 2017. № 3. С. 120—

138.

Пономарева 2005 — Пономарева Р. Д. «Дети подземелья» и повесть В. Г. Короленко «В дурном обществе»: Проблемы читательского восприятия и интерпретации // Книжная культура Севера. Якутск, 2005. С. 85—89.

Родная литература 1972 — Владимир Галактионович Короленко // Родная литература: Учебное пособие для 5 класса. М., 1972. С. 114—144.

Саввин 1923 — Саввин Н. А. Короленко как детский писатель // Памяти В. Г. Короленко. Нижний Новгород, 1923. С. 166—177.

Balasubramanian 1997 — Balasubramanian R. The Poetics of Korolenko's Fiction. Bern, New York: Peter Lang, 1997.

Lecke 2015 — Lecke M. Westland: Poland und die Ukraine in der russischen Literatur von Puškin bis Babel. Frankfurt am Main, 2015. P. 295—302.

Сведения об авторе: Михаил Борисович Иткин, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», бакалавр IV года; Москва, Россия; e-mail: itmishaa@gmail.com

About the author: Mikhail B. Itkin, National Research University Higher School of Economics, student; Moscow, Russia; e-mail: itmishaa@gmail.com